

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ВЛАДИМИР ВЕРНАДСКИЙ (К ИСТОРИИ КОНТАКТОВ)

© 2008 г. Е. Н. Никитин

История взаимоотношений М. Горького и В. Вернадского (по материалам их личных архивов) рассматривается в статье на фоне трагических событий первой половины XX века.

History of the relationship of Maxim Gorky and Vladimir Vernadsky (on the basis of their personal archives) is regarded in the article against the background of tragic events of the first half of the 20th century.

Прошло достаточно времени, чтобы можно было со всей определенностью сказать: среди деятелей отечественной науки первой половины XX века Владимир Вернадский – самая яркая фигура. А среди русских писателей никто не обладал такой славой, как Максим Горький. История взаимоотношений этих гениальных людей помогает лучше понять произошедшее с Россией в непростые для нее годы, когда рухнула монархия, а вслед за нею и только-только начавшая зарождаться демократия.

Владимир Вернадский и Максим Горький – два очень разных человека, и по происхождению (один – дворянин, другой – мещанин), и по образованию (академик и самоучка, имеющий за плечами всего лишь два класса нижегородского свободского училища), и по мировоззрению (один – конституционный демократ, другой – марксист, приверженец коллективистской философии А.А. Богданова).

Однако в обоих, в ученом и в писателе, была очень развита общественная жилка. Они видели: главная беда России – в низком культурном уровне большей части ее населения. Горький писал: «Отечество чувствовало бы себя в меньшей опасности, если бы в отечестве было бы больше культуры» [1]. И добавлял: «Этот народ должен много потрудиться для того, чтобы приобрести сознание своей личности, своего человеческого достоинства, этот народ должен быть прокален и очищен от рабства, вскормленного в нем, медленным огнем культуры» [2]. И Вернадский (он, кстати сказать, в правительстве А.Ф. Керенского был товарищем министра народного просвещения) считал: «Спасение России заключается в поднятии и расширении образования и знания. Только этим путем возможно достижение правильности государственного управления, только поднятием культуры возможно сохранить сильно пошатнувшееся мировое значение нашей страны» [3, с. 193]. Горький и Вернадский поставили основ-

ной целью своей общественной деятельности внедрение культуры в народные массы. Эта деятельность способствовала их сближению.

Первое упоминание имени Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945) в переписке Горького относится к середине марта (по старому стилю) 1908 г. Писатель сообщал своему другу и единомышленнику философу-марксисту А.А. Богданову: «В марте выходит сборник “Зарницы” под редакцией Д. Шаховского, Гредескула и прочих кадет, с политическими статьями Вернадского, Кокошкина, со статьей Карташева “Современные религиозные искания” и Овсяннико-Куликовского “Горизонты будущего и грани прошлого”. Не дремлют людишки!» [4, т. 6, с. 205].

Горький упрекает А.А. Богданова, а вместе с ним и других социал-демократов, за их бездействие. Вместо того, чтобы нести в народ знания, культуру, они заняты политическими дразгами, сведением личных счетов.

Писатель настоятельно приглашает в гости, на Капри, соперничавших между собой лидеров фракции большевиков – В.И. Ленина и А.А. Богданова. Они приезжают на остров в апреле 1908 г. Горький пытается их примирить. Средство примирения – общая работа: создание “Энциклопедии для изучения России”, состоящей из серии книг, авторами которых должны были стать социал-демократы – Г.А. Алексинский, В.А. Базаров, В.И. Ленин, А.В. Луначарский, М.И. Мелевский (Басок), М.Н. Покровский, И.И. Скворцов-Степанов, Л.Д. Троцкий, Я. Тышка, Я. Янсон. За главную, открывающую серию, работу – “Организация опыта и типы классовой психики” – должен был написать А.А. Богданов.

Но так хорошо задуманный план провалился. Русским марксистам, поглощенным борьбой за лидерство, было не до литературной работы.

Это раздражает писателя, выводит из душевного равновесия. А тут еще “Знание”, пайщиком которого он был, начинает испытывать финансо-

вые трудности, что ведет к ухудшению отношений с К.П. Пятницким, директором-распорядителем издательства. Горький сообщает Е.П. Пешковой в конце 1909 г.: “Мое положение <...> изумительно запутано. Не говоря об отношении к тебе и, вообще, о всем личном, мои дела со Знанием, т.е. с Пятницким, с Ладыжниковым, а также с партией и Богдановым, Луначарским и со всеми! – со всеми, пойми! удивительно обострились. Все трещит по всем швам, никогда я не переживал еще такого трудного времени!” [4, т. 7, с. 208].

В дальнейшем ситуация еще более усугубилась. Горький принимает очень непростое для него решение: разрывает отношения с наиболее близким ему идейно человеком – А.А. Богдановым. В октябре 1910 г. он пишет философу-марксисту последнее письмо: “Я, как Вам известно, очень уважаю и ценю вас – мыслителя и революционера, но не стану отвечать на ваши письма: вы пишете их слишком строго и так, точно вы унтер-офицер, а я – рядовой вашего взвода” [5, с. 60].

Тяжелый опыт общения с социал-демократами дал и положительный результат – писатель стал более терпимо относиться к кадетам и вообще к людям, думающим иначе, чем думает он сам, что и способствовало его сближению с Вернадским. В это время у Горького зародился план создания партии центра – Российской радикально-демократической партии (РРДП). Писатель позднее публично признался: “Я принимал некоторое участие и в работах организационного комитета этой партии, будучи уверен, что она необходима в России и должна всосать в себя всю – по возможности – массу людей, которая осталась неорганизованной между кадетами справа и социалистами слева. Думать об организации такой партии я начал еще в 1910 году” [6]¹. Созданию партии, по мысли писателя, должны были предшествовать коллективные общественные акции. Одна из самых известных среди них была связана с нашумевшим делом Бейлиса.

12(23) марта 1911 г. в Киеве был убит тринадцатилетний подросток Андрей Ющинский. Черносотенная пресса объявила о том, что убийство совершено евреями в ритуальных целях (будто бы для выпечки мацы нужна христианская кровь). Особенно усердствовал журналист Анатолий Савенко, писавший под псевдонимом Запорожец. В думе ораторствовали крайне правые – Н.Е. Марков, В.М. Пуришкевич и другие. Следствие намеренно пошло по ложному пути, игнорируя улики, указывающие на истинных убийц мальчика. В качестве обвиняемого был аресто-

ван ни в чем не повинный приказчик кирпичного завода еврей Менахем Бейлис. При поддержке Министерства юстиции и Департамента полиции черносотенцы развернули антисемитскую кампанию, угрожали произвести массовые погромы. В ответ ведущие писатели и ученые выступили с протестом-обращением “К русскому обществу”. Его 30 ноября (13 декабря) 1911 г. опубликовала газета “Речь”. Вместе с другими протест подписали В.И. Вернадский и Горький. Это было их первое совместное выступление. Оно привело к положительному результату – 30 октября (12 ноября) 1913 г. суд присяжных оправдал Бейлиса, и он был выпущен из-под стражи.

Летом 1914 г. началась Первая мировая война. И Горький, и Вернадский почувствовали: война грозит России катастрофой. Вернадский в статье “Война и прогресс науки” писал: “Несомненно, величайшая война, трагедия которой перед нами разворачивается, подготовлялась десятилетиями, если не столетиями, в некоторых своих частях <...> После этой войны неизбежно в жизнь войдет так много нового, что нельзя будет безнаказанно и спокойно тянуть старое – как будто бы ничем не прерванное. То, что сейчас переживается человечеством, есть явление более широкое по своим последствиям, чем то, что внесено было в человеческую жизнь 1789 годом и его отголосками” [7, с. 67]. Иными словами: нас ждет нечто более страшное, чем Великая Французская революция. И Горький предупреждал: “Необходимо спокойно и мужественно подумать о той правде, которую родила война <...> Вполне возможен вулканический взрыв, который потрясет страну до основания и завершит анархию полнейшим хаосом” [8, с. 311, 313].

С началом войны в России, не без участия власти, усилились антисемитские настроения. Писательница В.Е. Копельман вспоминала: “...Царское правительство начало распространять слухи о почти поголовном шпионаже евреев в прифронтовой полосе. Начались массовые военные суды и расправы” [9, с. 592–593].

Этому необходимо было что-то противопоставить. 15(28) декабря 1914 г. Горький сообщил Е.П. Пешковой: “Сегодня вернулся из Питера, где пробыл почти неделю. Кое-что затеял <...> Ты, вероятно, скоро будешь удивлена, увидав мою подпись рядом с именами людей, очень чуждых мне: Андреева и Сологуба! Каково? Мы затеваем анкету по вопросу об антисемитизме, – а? Не веришь? Может быть, даже и более того затеваем” [4, т. 11, с. 141].

В последней фразе Горький имел в виду “Русское общество для изучения жизни евреев”. Первым шагом к его организации стала “Анкета об евреях (открытое письмо к публике трех русских писателей)”, подписанная Л.Н. Андреевым,

¹ Создание партии – дело трудное, долгое. РРДП официально оформилась (провела учредительное собрание) только в марте 1917 г. Вскоре после этого Горький заявил: “... Я считаю радикал-демократическую партию, пожалуй, уже излишней” [6].

М. Горьким, Ф.К. Сологубом и напечатанная в утреннем выпуске “Биржевых ведомостей” 3(16) февраля 1915 г. О названии организуемого общества, о стоящих перед ним задачах Горький написал поэту Л.Б. Яффе 22 февраля (6 марта) 1916 г.: «Основная цель О-ва – борьба против антисемитизма и антисемитов. “Изучение” – псевдоним, необходимый на первое время» [4, т. 12, с. 24].

Ближайшим помощником писателя в деле организации общества стал Петербургский городской голова И.И. Толстой, который еще десять лет назад пытался создать “Общество еврейского равноправия”. Их совместные усилия увенчались успехом: в начале 1916 г. “Русское общество изучения жизни евреев” было официально зарегистрировано. Его председателем стал И.И. Толстой, Горький – заместителем председателя.

Еще в ходе организационных работ писатель старался привлечь в общество как можно больше активных, прогрессивно мыслящих людей, поэтому, помимо опубликования в газете “Анкеты об евреях”, многим видным общественным деятелям и представителям науки (в том числе и В.И. Вернадскому) было послано письмо следующего содержания:

«М.Г.

Вам известно трагическое положение евреев в России, Вы знаете, что несмотря на свое бесправие в стране, евреи всегда принимали энергичное участие в культурной жизни русского общества, в его борьбе за свободу, право, за лучшее будущее.

Вам известно также, что в тяжкие для нашей страны дни еврейская рука об руку с русскими, не щадя своей жизни, защищают Русь от врага.

Это бескорыстное участие в обороне России должно бы задержать постыдное развитие идей и настроений антисемитизма на Руси; мы не говорим – уничтожить, но хотя бы задержать.

Однако – рост зоологической вражды к евреям не прекращается, напротив – мы со стыдом должны признать, что кошмар мировой бойни, возбуждая в людях звериные чувства, явно способствует всеобщему развитию антисемитизма в русском народе.

Это постыдно, невыносимо постыдно; мы хотим в меру сил наших бороться с этим явлением, угнетающим нашу совесть.

Мы обращаемся ко всем честным и разумным русским людям с просьбой дать откровенные ответы на вопросы, поставленные нами.

Собрав эти ответы воедино, мы издадим их книгой, которая, быть может, окажется способной помочь русским людям, еще не думавшим об этих вопросах, разобраться в них и поискать возможностей для активной защиты евреев в их борьбе за равноправие вместе с нами, гражданами этой страны, культуре и свободе которой

евреи служили и служат так же честно, так же энергично, как служили и служат ей лучшие русские люди.

1. Думаете ли Вы, что антисемитизм, как общественное явление, возник у нас и распространяется под влиянием западноевропейского антисемитизма?

2. Какое влияние может иметь рост антисемитизма на культурное развитие русского народа?

3. Каково влияние антисемитизма на хозяйственный рост России?

4. Какое влияние имеет рост антисемитизма у нас на самый факт еврейского бесправия?

5. Не кажется ли Вам, что антисемитизм, дающий, в виду разнородности России, благодарную почву для развития расовых и националистических предрассудков, имеет для России особо пагубное значение?

6. Какова, по Вашему мнению, роль евреев в искусстве, науке и общественно-культурной жизни Западной Европы и России?

7. Не можете ли Вы сообщить Ваши личные наблюдения и воспоминания, относящиеся к деятельности евреев в различных областях духовной и практической жизни в России или на Западе?

8. Какие Вам представляются возможные меры для активного противодействия распространению в России расовой и национальной вражды?

Леонид Андреев

Федор Сологуб

М. Горький

Ответы на поставленные выше вопросы желательно получить не позднее 15-го февраля с.г. Адресовать их надлежит в редакцию журнала “Отечество”, Петроград, Бассейная ул., д. 60» [10, ф. 518, оп. 4, д. 219, л. 2–3].

Тогда же В.И. Вернадскому было послано приглашение:

«Леонид Андреев, Максим Горький и Федор Сологуб просят Вас пожаловать завтра, 23 с.м. <т.е. 23 февраля 1915 г. – Е.Н.> в 8 1/2 час. вечера, на доклад

П.Н. МАЛЯНТОВИЧА “РУССКИЙ ВОПРОС О ЕВРЕЯХ”,

который состоится у Ф.К. Сологуба (Разъезжая, д. № 31).

Повесток просят с собою НЕ приносить» [10, ф. 518, оп. 4, д. 219, л. 1]. Видимо, с этого времени устанавливаются достаточно тесные отношения между Горьким и В.И. Вернадским.

1917-й год оба встретили и с надеждой, и с опасением. Опасения были вызваны пониманием того, насколько низок культурный уровень большей части населения России. Надежды свя-

зывались с открывшимися перспективами построения гражданского общества. Его важнейшими элементами должны были стать возникающие тогда, как грибы после дождя, всевозможные общества. В создании одного из них – “Свободной Ассоциации для развития и распространения положительных наук” – активное участие принимали Горький и В.И. Вернадский. Первое организационное собрание ассоциации состоялось 28 марта (10 апреля) 1917 г. За четыре дня до этого писатель известил К.А. Тимирязева: «Здесь организуется “Свободная Ассоциация науки” по примеру Британской. Организационный комитет: Д.К. Заболотный, Н.М. Книпович, И.П. Павлов, А.А. Марков и – забыл фамилию – тот профессор, которого Вы указали как автора статей о Мечникове. 28-го в 3 ч. общее собрание в Женевском медицинском институте. Вступительное слово скажу я, затем речи Павлова и Вернадского» [4, т. 12, с. 129]. А в следующем письме к основателю русской научной школы физиологов растений Горький сообщил: «На собрании 28-го присутствовало 96 представителей точного знания; 3-й и 4-й пункты повестки приняты единогласно, избран Организационный Комитет из 28 лиц, список которых прилагаю (в комитет вошли В.И. Вернадский и Горький. – *Е.Н.*) 9 апреля будет устроено в Михайловском театре публичное заседание, на котором произнесут речи на разные темы И.П. Павлов, Кравков, Вернадский, Чугаев, Ваш покорный слуга, и предполагается участие Керенского, Церетели, князя Львова. В общем все речи имеют целью пропаганду в массах необходимости учреждения “Свободной Ассоциации для развития положительного знания”» [4, т. 12, с. 134].

На первом же собрании, по предложению академика И.П. Павлова, было постановлено совокупность всех будущих научно-просветительских учреждений ассоциации именовать “Институтом в память 27 февраля 1917 года”.

Учредительное собрание ассоциации состоялось в Петрограде 26 мая (8 июня) 1917 г. На нем был принят устав организации, в котором провозглашались следующие ее основные задачи: “...разработка и развитие положительных наук и их методов, распространение их в широких слоях населения и применение их к запросам практической жизни” [11, с. 3].

На первых порах ассоциация успешно занималась решением поставленных перед собою задач. Ситуация коренным образом изменилась после Октябрьского переворота. Независимая общественная организация, к тому же ставящая целью создание “Института в память 27 февраля 1917 года”, большевикам была не нужна. Напоминание об идеалах свободы ими воспринималось болезненно. Но сразу ликвидировать организацию, во

главе которой стояли математик В.А. Стеклов (с 1919 г. вице-президент Академии наук) и Горький (писатель с мировым именем), а среди членов значились такие выдающиеся ученые как академики И.П. Павлов и В.И. Вернадский, было трудно. Закрывтие ассоциации могло вызвать нежелательную общественную реакцию в России и за границей. Власть решила действовать иначе – создавала практически непреодолимые препятствия при получении помещений и денежных средств. В.А. Стеклов, после обсуждения в Научном отделе Наркомпроса Петрограда вопроса о положении ассоциации, 19 декабря 1918 г. записал в дневник: «В 11 1/2 ходили с Филиппченко к Мих. Петров. Кристи, заведующему Научным отделом Комиссариата, по поводу Ассоциации. Сказал, что образование особых ассоциаций считает нецелесообразным при настоящих условиях <...> Насчет ассигнований <...> в 1 млн. 600 тыс. сказал, что это дело безнадежное <...> Насчет зданий – нечего и болтать, их не только не могут дать, но и имеющиеся в Комиссариате могут отобрать <...> Я сказал, что, пожалуй, не лучше ли совсем ликвидировать эту “Ассоциацию”. Ответил, подождите пока, а там увидим» (цит. по [4, т. 12, с. 551–552]).

“Свободная Ассоциация для развития и распространения положительных наук” перестала существовать “в конце 1920 г.” [12, с. 260].

Следующий, 1921-й, год стал одним из самых тяжелых в жизни Горького и в жизни В.И. Вернадского.

В марте всю Россию потрясло выступление матросов в Кронштадте, требовавших передать власть в стране Советам без большевиков. Петроградские чекисты, проморгавшие мятеж, для того, чтобы реабилитировать себя в глазах верховной власти, через четыре месяца объявили о раскрытии заговора, который будто бы должна была осуществить “Петроградская боевая организация”. Это, сфабрикованное карательными органами, дело стали называть “таганцевским”, поскольку уже в первом газетном сообщении о нем, в статье “Уроки заговора”, напечатанной без подписи в “Петроградской правде” 27 июля 1921 г., руководителем организации и заговора был назван географ В.Н. Таганцев.

За 13 дней до обнародования статьи был заключен под стражу В.И. Вернадский. Его давний друг (в юности они вместе организовывали Братство; см. [13]), неприменный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург сразу же, 14 июля 1921 г., отправляет телеграмму Горькому: “Только что арестован сегодня, в четверг, академик Владимир Иванович Вернадский ордером Губчека 889. Ничем не мотивированный арест произведет самое тяжелое впечатление за границей, где Вернадский в ученых кругах широко известен. Мы пора-

жены и глубоко протестуем против такого насилия над заслуженным товарищем. Академия посылает телеграммы Ленину и Луначарскому. Академия просит вашей немедленной помощи” [14, КГ-уч 8–27–28].

Р.С.Ф.С.Р.
Петроградский
ДОМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
ЗАКЛЮЧЕНИЯ
15 Июля 1921 г.
№ 2681

Печать Петроградского
дома предварительного
заключения

Начальник

Делопроизводитель (подпись неразборчива) [10, ф. 518, оп. 2, д. 99, л. 3].

То, как происходил арест, и свое пребывание в застенках ЧК В.И. Вернадский через два дня после освобождения описал в дневнике: «Утром нас разбудила Модлена, сказав, что пришел уполномоченный домового комитета швейцар Курда с какими-то людьми. Наташа вышла посмотреть, и мы поняли, что это обыск. Быстро оделись – вооруженные солдаты и два отвратительных типа один коммунист на вид, “по форме”, другой полунинтеллигент, должно быть, бывший студент или гимназист, идейный работник. Какое нравственное падение! Оба в шапках, довольно грубоваты. В глаза не смотрят. Пошли в кабинет. Подал главный бумагу: произвести обыск и арестовать – фамилии нет. На мой вопрос они грубо с окриком заявляют, что так полагается. Курда как представитель домового комитета заявляет, что это всегда, когда действует “летучка” <...> В этом элементарном уме такое действие кажется полезным и целесообразным! Полное чувство и мысль рабов и у русских революционеров, и у русской толпы. Вытряхивают книги: все книги, которые лежали на столе, были внимательно осмотрены. Количество книг приводило их в изумление и некоторое негодование. Отвратительное впечатление варваров... Исполняли свою обязанность не за страх, а за совесть. Ужасно неприятное и тяжелое чувство, когда роются в письмах, бумагах, отбирая то, что им кажется нужным для сыска <...> Затем обыск у жены, дочери – там вещи, и они были в своей сфере. Так и видно, что это люди, которые понимают толк в вещах, мелкие стяжатели. Смотря на все это, у меня росло чувство гадливости и какое-то большое чувство того, что я мог считать людей, создавших такое проявление идеальных исканий, своими товарищами по жизненной цели и видеть в них оттенки того же настроения, которым живет все время мой дух и дух моих друзей <...> Привезли в ЧК. Грубые окрики. Привели в комнату, где регистрировали, где

К счастью, на следующий день ученого освободили, выдав при этом на руки следующий документ:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие гражданину *Вернадскому Владимиру* в том, что он содержался в ПЕТРОГРАДСКОМ ДОМЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ с 14 Июля 1921 и по распоряжению ПЕТГУБЧЕКА от 15 Июля 1921 года за № 3338 из под стражи освобожден.

А. Сипицкий

были уже арестованные с узелками. Тут я провел несколько часов <...> Грубость от невежества и невоспитанности, а не от моральной испорченности <...> Чиновники чрезвычайки производят впечатление низменной среды – разговоры о наживе, идет оценка вещей, точно в лавке старьевщика, грубый флирт» [15, с. 35–36].

Правы были В.И. Вернадский и Горький, ставя во главу угла необходимость распространения знаний, культуры среди массы русского народа. Не прокаленный на медленном огне культуры мужик способен только на бунт, бессмысленный и беспощадный, но не на революцию. На это же обращал внимание еще один мыслитель – С.А. Аскольдов: “Революция есть именно порождение срединного гуманистического слоя человеческой природы. Зверь не способен создать новые формы общественности” [16, с. 33].

За день до ареста В.И. Вернадского Горький отправил С.Ф. Ольденбургу из Москвы письмо:

«Здесь организуется “Комитет борьбы с голодом”; в состав его входят человек пять видных коммунистов, например: Н.А. Семашко, А.И. Рыков, комиссар Наркомзема Теодорович и еще двое – еще не знаю кто – затем: Кишкин, Щепкин, Л.А. Тарасевич, Н.В. Некрасов, Кутлер, Н.Н. Покровский, С.Н. Прокопович, генерал Брусилов и др. – человек тридцать.

Необходимо Ваше участие, а также – я думаю – участие А.Е. Ферсмана, През. Ак. Карпинского, В.А. Стеклова и еще человек пяти–шести столь же солидных репутаций.

Очень прошу Вас известить меня спешно о Вашем и названных лиц отношении к делу.

Положение трагическое. Такого голода Русь еще не испытывала. Цель комитета – воззвание к Европе и Америке о помощи, а также работа на местах совокупно с агентами власти» [14, ПГ-рл 29-6-2].

С.Ф. Ольденбург немедленно, 15 июля 1921 г., сообщил писателю: “Могу сейчас же ответить принципиальным согласием А.П. Карпинского, В.А. Стеклова, А.Е. Ферсмана, В.И. Вернадского, И.П. Бородин, Н.С. Курнакова, Н.Я. Марра – как видите, все имена хорошие, очень рекомендуем и Л.А. Чугаева (Вологда, университет), В.Н. Ипатьева (Москва, ему я написал). Я, конечно, тоже даю и за себя принципиальное согласие” [14, КГ-уч 8-27-9].

У В.И. Вернадского уже был опыт по борьбе с голодом. Об их совместной работе рассказал его товарищ, историк А.А. Корнилов в книге “Семь месяцев среди голодающих крестьян” (М., 1893). В ней на вклеенном листе (между страницами 18 и 19 второй пагинации) помещен составленный В.И. Вернадским (вместе с В.В. Келлером и А.А. Корниловым) “Отчет о помощи голодающим некоторых местностей Моршанского и Кирсановского уездов Тамбовской губернии в 1891/1892 гг.”.

И тогда власть не поощряла общественную деятельность. Теперь заниматься ею стало очень опасно. В.И. Вернадский это отлично понимал. В написанной в 1921 г. “Записке о неурожае” он говорит:

“Я хочу поставить на обсуждение Совета Комиссии <Академии наук> вопрос о том, как нам относиться к тому величайшему кризису, который сейчас переживает русский народ – к вымиранию от неурожая и голода и его последствий.

Этот вопрос неизбежно распадается на две части:

1. Должны ли мы – русские ученые – и в частности одна из самых больших, если не самая большая, организаций, занимающихся изучением естественной мощи нашей природы с точки зрения ее использования – оставаться безучастными или должны принять возможно максимальное участие в этом переживании.

2. В случае положительного решения этого вопроса, что необходимо предпринять.

Первый вопрос в нормальных условиях не поднимался. Ясен положительный ответ и т.д.

Но в настоящее время его поднятие неизбежно, ибо мы знаем, что последствия нашего участия в этом деле могут быть не те, которые мы ожидаем. В происходящей, для нас чуждой и непонятной борьбе политических и политиканских настроений мы – в случае выступления – можем очутиться в тюрьме или же погибнуть – вне всякого нашего сознательного к тому повода. Ибо пример общественной организации помощи голодающим у нас налицо. В сложном клубке интересов и намерений, активно участвующих в управлении нашей страной, мы не в состоянии учесть отражение наших действий в их политике и их психологии. Очевидно, самое благоразумное бы-

ло бы – в такое время – сохранение своей и близких жизни, нашей и наших близких безопасности и спокойствия, остаться в стороне, как остаемся мы теперь – мне кажется панацеей.

Но для меня стоит теперь резко вопрос – имеем ли мы на это 1) нравственное право и 2) отвечает ли это интересам того величайшего создания человеческой жизни – научного знания, которое для нас не менее, если не более – дорого, чем интересы нашей родины и нашего народа.

Для ответа на эти вопросы необходимо принять во внимание следующие особенности переживаемого бедствия, которые кажутся мне несомненными:

1. Это бедствие будет иметь последствием вымирание миллионов людей – явление, наблюдавшееся лишь много столетий тому назад и вследствие его необычности, нами не создаваемое в его ужасе.

2. Это вымирание – если с ним не будут бороться живые силы народа – примет характер не временный, но хронический. Мы имеем дело с явлением, которое, по-видимому, связано с длительным процессом, ибо ряд обстоятельств ведет к этому: а) вероятность дальнейших неурожаев на огромных районах России в ближайшие два года вследствие внешних физикогеографических условий и также неприноровленной к этим условиям с.х. техники населения, глубоко невежественного и мало продуктивного по работоспособности при наличии тех же условий – едва ли не в меньшей степени – и в организации государственного механизма, который в не меньшей степени обуславливает эту технику.

3. При длительности процесса и при полной расшатанности, как самого механизма нашей государственной машины, так и технической силы – в смысле нравственности, знания и работоспособности соответствующих ее единиц – трудно ожидать, чтобы этот процесс вымирания был остановлен и быстро начался бы процесс выздоровления и восстановления погибшего, что является столь необходимым для нашего спасения.

4. Это видно и потому уже, что до сих пор остается – в этой борьбе – оставленным в стороне то средство, которое является наиболее могучим для борьбы с этим несчастьем – творческая, свободная человеческая научная мысль – ибо сейчас ведется борьба, если она ведется, людьми, действующими на основании рутины и в огромном большинстве невежественными в тех областях знания, которые для этих задач являются сейчас первостепенными.

5. В этом отношении мы имеем резкую противоположность с тем, что было сделано в менее, мне кажется, грозном, но тоже чрезвычайно страшном, исключительным в человеческой истории, положении, в каком находилась централь-

ная Европа в 1915–1918 годах и которое не допустили разумными распоряжениями англосаксонские государства во время великой войны. Там мы находим огромное, небывалое раньше, участие научной творческой работы, достигшей многого.

6. Ввиду длительности процесса такое участие правильно организованной научной работы рано ли поздно ли неизбежно, и чем раньше оно будет начато, тем лучше и выгоднее, ибо сама организация научной работы в тяжелых условиях нашей действительности требует времени и огромных усилий.

7. Уже по этим условиям явления мне представляется необходимым участие научной творческой работы в борьбе с неурожаем и его общественным, связанным с характером государственной машины, последствием – голодом. Но этого же требует и другая сторона переживаемого кризиса, которая еще более заставляет меня стоять на этой точке зрения.

Но прежде чем перейти к этой второй стороне, я считаю необходимым отметить, что я оставляю в стороне, как недопустимую, ту возможную – теоретически – точку зрения, которая рассматривает вымирание населения, значительного количества людей, как государственно выгодное, улучшающее материальное положение оставшихся. Как известно, этой точкой зрения оправдывали французские террористы XVIII века, напр. Робеспьер, массовые убийства. При том отношении к нравственным устоям человеческой жизни, какое сейчас замечается, такая точка зрения возможна, тем более, что сейчас и на Западе, за океаном, поднимаются опасения быстрого размножения человечества.

Но – оставим в стороне соображение нравственного характера, которые для меня – и для научной творческой работы вообще – представляются незыблемыми и не допускающими эти искажения человеческой личности – и по реальному характеру явления мы здесь имеем невозможность их приложения. Ибо в России сейчас идет чрезвычайное уменьшение населения, как в городах, так и в деревнях – частью вследствие нищеты, а частью вследствие связанных с междоусобицей и его психикой – убийством, и падением рождаемости, и истощением организмов, особенно молодых и подрастающих поколений. К тому же такого рода гибель людей связана с таким потрясением общественного строя, перед которым бледнеет все пережитое” [10, ф. 518, оп. 1, д. 310, л. 1–2].

В это же время В.И. Вернадский обращается к Горькому за помощью – просит посодействовать освобождению своего друга и помощника в работе химика М.М. Тихвинского, арестованного по “таганцевскому” делу. По тому же делу был арестован

поэт Н.С. Гумилёв, сотрудник организованного Горьким издательства “Всемирная литература”.хлопоты ни за того, ни за другого, как и попытка спасти умирающего А.А. Блока, не дали положительного результата. Позднее В.И. Вернадский записал в дневник: «М.Ф. Андреева говорила недавно здесь <в Боровом> Анне Шаховской, что Горький очень хорошо ко мне относился. Мое последнее с ним сношение было моим письмом к нему при аресте М.М. Тихвинского. В нем я говорил о крупном открытии Тихвинского – техническом (в области красок). Я просил Горького показать это письмо Ленину. Горький просил передать мне, что это письмо *было отобрано* у него на заседании “Общественного” (самочинного) Комитета о голодовке, в котором он председательствовал <...> Тихвинский был расстрелян. Это была и партийная борьба. Сейчас, после разговоров с М.Ф. Андреевой, я вижу, что в этой среде все было возможно» [17, с. 14, 44].

Действительно, квартира Горького в Петрограде обыскивалась большевиками. При этом, говоря казенным языком, производилась выемка документов. Помимо письма В.И. Вернадского, например, был изъят черновик письма Горького к В.И. Ленину [18, с. 310].

Писателя потряс расстрел Н.С. Гумилёва и М.М. Тихвинского. Б.К. Зайцев писал в статье “Максим Горький. К юбилею”: “...По сведениям нашим, эту историю <с Помголом> он пережил не совсем легко. Еще горше оказалось дело с проф. Тихвинским в Петербурге, на всякий случай расстрелянным” [19, с. 309].

Разгром Помгола, когда большевики, фактически, сделали Горького провокатором (писатель пригласил людей в комитет, а их потом арестовали и чуть не расстреляли), стал последней каплей, переполнившей чашу терпения. 12 октября 1921 г. писатель покидает Петроград и Россию (на следующий день М.А. Кузмин записал в дневник: “Уехал Горький, Гржебины, Родэ, Урванцов. Все, все. Даже как-то неприлично оставаться” [20, с. 493]). И В.И. Вернадский в 1922 г. уезжает – во Францию.

Ученый вернулся на родину в 1926 г. Горький – в 1928. Через четыре месяца после приезда писателя в Россию В.И. Вернадский записывает в дневник: “16.IX. <...> Ненадкевич говорил, что в одном из писем Горького, печатавшегося в газетах, указывалась моя геохимия, как пример того, что крупные произведения научной мысли не находят сейчас места в Государственном издательстве” [17, с. 107].

Вероятно, в памяти химика-минералога К.А. Ненадкевича смешались две публикации – статьи “О М.М. Пришвине” (в 12-м номере журнала “Красная новь” за 1926 г.), где говорилось о “Геохимии”, и письма Горького к председателю

правления Госиздата А.Б. Халатову (1 декабря 1927 г. в московской газете “Читатель и писатель”) с критикой работы издательства.

В статье “О М.М. Пришвине” Горький отмечал: “Замечательный русский ученый Вернадский талантливо и твердо устанавливает новую гипотезу, доказывая, что плодородная почва на каменной и металлической планете нашей создана из элементов органических, из живого вещества” [21, т. 24, с. 266–267].

“Геохимия”, вышедшая в Париже в 1924 г., произвела на Горького большое впечатление. Он пишет беллетристу С.Т. Григорьеву 8 июля 1926 г.: «Сегодня получил обе ваши книжки и тотчас же прочитал. “Гибель Британии” весьма понравилась и удивила меня густотою ее насыщенности, ее *русской* фантастикой, остроумием. Пожалел, что вы не использовали “Геохимию” В.И. Вернадского, его гипотеза открывает широчайший простор воображению художника» [22, с. 139]. А через несколько лет, 3 июля 1931 г., писатель посоветует секретарю И.В. Мичурина А.Н. Бахареву: «Очень рекомендую “для вдохновения” “Геохимию” Вернадского» [21, т. 30, с. 216]. Горький высоко оценивал не только содержание, но и стиль книги В.И. Вернадского (после ознакомления с ее русским изданием [23, кн. 2, № 7791]). Он писал биологу Н.К. Кольцову 15 декабря 1928 г.: «С Вашим утверждением, что “русские ученые не умеют популярно писать” – трудно согласиться. <У нас имеются> “Рефлексы головного мозга” Сеченова, “Жизнь растений” Тимирязева, Покровский, Вернадский и целый ряд других прекрасных писателей» [24, с. 133, 467].

Неудивительно, что, когда В.И. Вернадскому во время работы над новой книгой потребовалось навести справки в зарубежных книжных собраниях, он за помощью в получении разрешения на выезд за границу обратился к Горькому:

«2.V.933.

Многоуважаемый Алексей Максимович,

Не знаю, помните ли Вы наше старое знакомство-встречи. Последний раз мне пришлось Вам писать в связи с трагической кончиной моего дорогого друга М.М. Тихвинского. Я знаю, что Вы тогда оказались, к несчастью, бессильны.

Теперь я обращаюсь к Вам с просьбою по личному делу, которое однако для меня далеко выходит за эти пределы, т.к. дело идет о возможности закончить научную мою работу, которой я придаю большое, не преходящее значение. Конечно, это мое убеждение может быть ошибочным, но для меня это такое мое убеждение, такая уверенность, которая не может быть поколеблена чисто формальной логической поправкой, что все люди ошибались и ошибаются в оценке своей дорогой им мысли и работы.

Мне кажется, я подошел к очень большим, совершенно новым явлениям в области тех новых научных дисциплин, какими являются геохимия и биогеохимия, в создании которых мне выпало на долю много поработать. Я подошел к совершенно новому понятию геохимической энергии жизни, которое должно изменить ход научной работы в ее исследовании.

Мне больше 70 лет, я не могу откладывать и должен закончить свою книгу “Геохимическая энергия жизни в земной коре”.

Здесь я этого сделать не могу, мне необходимо иметь такие библиотеки, которых нет в нашей стране, и такое сосредоточение для работы, которое в ней немыслимо. Я не могу здесь отойти и от отнимающей у меня массу времени и сил работы по двум учреждениям, во главе которых я стою – в Радиевом Институте и в Биогеохимической Лаборатории (при Акад. Наук). Экспериментаторская обстановка моей работы в нашем Союзе, к сожалению, совершенно неудовлетворительна и может идти только при огромном напряжении воли и сил.

Книгу – в основных ее частях – при такой обстановке писать, очевидно, нельзя.

После двухлетних настойчивых стараний, связанных с множеством совершенно ненужных трений и волокиты, я добился в прошлом году командировки с этой целью за границу *на год*, и полгода провел за границей в работе (май – октябрь 1932). Но учитывая мою работу в Радиевом Институте и Биогеох. Лаборатории, я разделил, с согласия Академии, свою командировку на два срока и в ноябре вернулся сюда, чтобы в мае выехать вновь за границу.

И здесь опять началась прежняя история, которую я прошел в 1930 году: тогда ни мне, ни Академии почти год не давали никакого ответа и после целого ряда моих настойчивых обращений вплоть до И.В. Сталина – в 1931 году мне через А.В. Луначарского было официально объявлено, что в 1931 году правительство не считает возможным дать мне командировку – но, если ничего не случится, даст мне ее в 1932 г. Я подчинился. И действительно, после личной беседы с В.М. Молотовым получил командировку на год. Мне была выдана и небольшая помощь на улучшение моей научной обстановки – удалось заткнуть самые вопиющие дыры.

Теперь опять не дают паспортов (я еду с женой) или вернее никакого ответа не дают. Кто, что – узнать невозможно.

Но вопрос стоит сейчас еще хуже и *отъезд требует срочных мер*. Я, начав хлопотать в марте, учитывал, что 27 и 30 мая назначены в Париже мои две лекции о геохимии вод, которые я должен был читать еще в 1930 году по приглашению Парижского Университета. Он *три раза* их от-

кладывал. Сейчас, вероятно, уже расклеены по Парижу афиши. И выйдет совсем ненужный никому скандал, толки и пересуды. Еще можно, выехав немедленно, поправить дело, отложив по телеграфу первую лекцию и приехав к 30 мая.

Моя просьба к Вам переговорить об этом с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым и помочь добиться исполнения данного мне обещания правительства. Если нужно, я готов писать лично Сталину. Известите.

С совершенным уважением

В. Вернадский» [14, КГ-уч 3-17-1].

Горький помог В.И. Вернадскому связаться с В.М. Молотовым (добываясь разрешения на очередную зарубежную поездку, ученый 6 августа 1935 г. писал председателю Совета народных комиссаров СССР: “Я не буду подробно повторять Вам, для чего мне нужна командировка. Моя записка 1933 года у Вас” [25, с. 82]). В результате необходимого разрешения ученому получить удалось. Он побывал во Франции, Чехословакии, Польше и Англии.

18 июня 1936 г. Горький ушел из жизни.

Смерть писателя побудила Вернадского не только вспомнить моменты общения с Горьким, но и перечитать его произведения. Если ранее творчество писателя не очень трогало сердце ученого, то теперь он оценил его произведения “настоящим образом” [26, с. 6].

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. В.И. Вернадский эвакуируется в Казахстан, в поселок Боровое. Здесь он особенно сблизился с М.Ф. Андреевой. Они подолгу беседуют о разном, часто вспоминают Горького. И после возвращения ученого в 1943 г. в Москву продолжают встречаться, переписываются.

26 января 1944 г. В.И. Вернадский обращается к директору Дома ученых за советом:

“Дорогая
Мария Федоровна,

Давно пытался поговорить с Вами, думаю, что Вы то же самое.

Для меня – единственный транспорт доступный или пешком, или на машине.

Сейчас мне очень нужен был бы Ваш совет. Весна приближается, время идет страшно быстро, мне нужно хлопотать о поездке в Америку.

Я не хочу ехать туда, чтобы сделаться американским гражданином, но я хочу кончить жизнь, отдав последние мои годы моей внучке Танечке.

Большую мою работу я могу закончить там. Лучше, чем здесь, где библиотеки страшно пострадали и находятся в хаосе.

Сейчас в Америке печатается одна из моих статей, переведенная моим сыном.

Я хочу сверх того, как советский гражданин, восстановить свои старые *научные* связи и налаживающиеся новые и быть этим полезным своей стране.

Моя дочка стоит сейчас во главе одного из крупнейших государственных госпиталей около Бостона и пишет мне, что я могу не заботиться о деньгах. Готовая квартира в парке *около Бостона* и казенное питание.

Но я не хочу жить на ее счет, когда этого возможно избежать.

Смотря кругом, я вижу, что судьба дала мне такую близость с моими обоими детьми, которой с трудом здесь нахожу другой пример.

Мне надо с Вами посоветоваться, к кому мне обратиться. Президент Комаров лежит болен и в Академии – развал.

Мне нужен Ваш дружеский совет.

Я совершенно свободно могу придти к Вам в Дом ученых. Уделите мне полчаса.

Я думаю, что нужно действовать не через Академию или во всяком случае не только через Академию.

За то время, которое мы с Вами не виделись, я интенсивно работал и сейчас печатаются, кроме американских, две мои статьи, которым я придаю значение, а одной из них не только научное.

Письмо это Вам передаст Екат. Влад. <Ильинская>” [10, ф. 518, оп. 3, д. 1938, л. 1–2].

В.И. Вернадский уехать за границу не успел (или не пустили). Ученый умер 6 января 1945 г. в Москве. Но он успел написать (3 октября 1944 г.) М.Ф. Андреевой еще одно письмо:

“Дорогая
Мария Федоровна,

Мне хочется написать Вам несколько слов о той тревоге, которую вызвало у меня, как и у всех Ваших многочисленных друзей, известие о постигшей Вас болезни.

От всего сердца и ума желаю Вам увидеть и работать на заре ноосферы, которая сейчас подходит к нашей жизни, связывается с ней в ближайшие годы” [10, ф. 518, оп. 3, д. 1938, л. 3].

Ноосфера – это преобразованная биосфера (область жизни), в ней не просто существует – господствует разум. Разум должен восторжествовать – мечтал В.И. Вернадский, мечтал даже во время Второй мировой войны, самой кровавой в истории человечества. Одна из его последних работ (ее ученый особо выделил в письме к М.Ф. Андреевой) называется “Несколько слов о ноосфере” [27]. О торжестве разума (Человека с большой буквы) мечтал всю жизнь и Горький.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новая жизнь. 1917. № 18. 9(22) мая.
2. Новая жизнь. 1917. № 74. 14(27) июля.

3. *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни / Сост., вступ. статья и коммент. М.С. Бахраковой, И.И. Мочалова, В.С. Неаполитанского. М., 1989.
4. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма. В 24 т. М., 1997–2006.
5. М. Горький и его эпоха. Материалы и исследования. М., 1995. Вып. 4.
6. Новая жизнь. 1917. № 6. 25 апреля (8 мая).
7. Чего ждет Россия от войны: Сборник статей. М., 1915.
8. Горький. Материалы и исследования. М., 2007. Вып. 8.
9. Литературное наследство. Т. 72. М., 1965.
10. Архив РАН (Москва).
11. Устав Свободной Ассоциации для развития и распространения положительных наук. Пг., 1917.
12. *Примочкина Н.Н.* У истоков советской науки (М. Горький и В.А. Стеклов) // Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1.
13. *Шаховской Д.И.* Письма о Братстве / Публ. Ф.Ф. Перчѐнка, А.Б. Рогинского, М.Ю. Сорокиной // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2.
14. Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН.
15. *Вернадский В.И.* Дневники. 1921–1925 г. / Сост. и отв. ред. В.П. Волков. М., 1998.
16. *Аскольдов С.А.* Религиозный смысл русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции / Вступ. статья и коммент. М.А. Колесова и Н.С. Плотникова. М., 1990.
17. *Вернадский В.И.* Дневники. 1926–1934 / Сост. и отв. ред. В.П. Волков. М., 2001.
18. *Шенталинский В.А.* Рабы свободы: В литературных архивах КГБ. М., 1995.
19. *Зайцев Б.К.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 6 (доп.) / Сост., вступ. статья и примеч. Т.Ф. Прокопова. М., 1999.
20. *Кузмин М.А.* Дневник 1921 года / Публ. Н. Богомолова и С. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. Т. 13. М.; СПб., 1993.
21. *Горький М.* Собрание сочинений. В 30 т. М., 1949–1956.
22. Литературное наследство. Т. 70. М., 1963.
23. Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Описание. В 2 кн. / Сост. А.Д. Смирнова, М.М. Пешкова, Р.Г. Бейслехем. М., 1981.
24. Архив А.М. Горького. Т. 10. Кн. 2. М., 1965.
25. К биографии В.И. Вернадского (Письма ученого В.М. Молотову) / Публ. Е.Н. Никитина // Отечественные архивы. 1997. № 2.
26. Литературная Россия. 1968. № 12. 25 марта.
27. *Вернадский В.И.* Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. Т. 18. Вып. 2.